

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-438-471

Research Article

WAS J. BENTHAM THE FIRST LEGAL UTILITARIAN?

Igor V. Kolosov, Konstantin E. Sigalov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Mikluho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. Legal utilitarianism is attractive for practice because this field of legal thought and philosophy of law sets out a particular direction of legal policy and statutory regulation (focus on the utility principle in decision-making) that can, under certain reservations, be used to improve people's lives. Most scholars conclude that the first utilitarian was J. Bentham. However, scientific studies prevalently do not involve the analysis of earlier legal doctrines in relation to the use of utility principle. Thus, the relevance and scientific novelty of analysis of the origin of legal utilitarianism is associated with the need to develop a theoretical component of this doctrine that is of current interest for the legal policy and to enlarge the underdeveloped — in our opinion — theoretical framework of legal utilitarianism genesis. The purpose is to identify the first theory in the history of legal thought, which can be classified as legal utilitarianism, and, if such theory is the J. Bentham's utilitarianism, to determine the reasons why earlier theories based on the utility principle cannot be classified as legal utilitarianism. The theoretical basis of the article is materials such as original sources by various thinkers whose works are based on the utility principle and scientific papers of European and the US researchers. For the purpose of the article, the following methodological tools were used: metaphysical (dialectic method), general (analysis and synthesis, deduction and induction, analogy, comparison) and specific (historical and legal-historical) scientific methods. The main outcome of the research is identification of distinct features of pre-Bentham legal thought based on the utility principle and identification of pre-requisites and basis (provisions which had formed the basis) for J. Bentham's utilitarianism, as well as the answer to the question: “Was J. Bentham the first legal utilitarian?”.

© Kolosov I.V., Sigalov K.E., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Key words: utilitarianism, legal utilitarianism, origin of utilitarianism, utility, utility principle, philosophy of law, J. Bentham, consequentialism, common good

Author's input: Kolosov I.V. — writing sections of the article “Utility principle in the legal thought of the Ancient world” and “Utility principle in the legal thought in Early modern period”, the concept of article, the collection and processing of materials. Sigalov K.E. — writing sections of the article “Introduction” and “Conclusion”.

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

For citation:

Kolosov, I.V., Sigalov, K.E. (2020) Was J. Bentham the first legal utilitarian? *RUDN Journal of Law*. 24 (2), pp. 438–471. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-438-471.

Article received January 22, 2020

Article accepted April 10, 2020

Introduction

Utilitarianism is based on the assessment of actions (omissions), acts, phenomena or other events judging how useful they are. Thus, in terms of utilitarianism, the most preferred actions are those maximizing the utility, and particularly, increasing happiness and reducing pain from the standpoint of classical utilitarianism.

In this regard, public relations can be regulated by law, including happiness; achievement of happiness by some persons does not occur due to the pain of others. Given that, the social interaction is manifested through certain actions, including legally significant actions; identification of motives of behaviour can be significant in the improvement of legal activity. While events and actions are evaluated from the standpoint of utility, the utilitarianism deems it reasonable to make such evaluation in respect of universally binding rules of conduct used by legal actors when making decisions, committing acts; that is it is essential to look at evaluation of law as a regulator of social relations in order to determine whether certain legal regulation increases happiness and decreases pain and whether the utility function reaches its maximum. Thus, utilitarianism is not reduced to the analysis of actual events and actions but arrives at the necessity for the analysis of legal regulation. In the history of legal thought in Russia, the position prevails that J. Bentham, one of utilitarianism founders (together with J.S. Mill), was the first to pay attention to the necessity of evaluation of legal affairs, their consequences, including legal rules regulating social relations, from the standpoint of utility, and to develop the respective concept.

Thus, W. Holdsworth (Holdsworth, 1940:568–586), the English historian in the field of law, mostly associates the beginning of utilitarianism with the J. Bentham's works. B. Eggleston and D.E. Miller note: “utilitarianism came into its own in the nineteenth century” (2014:10). C. Welch (Welch, 1989:257–258) supposes that even though the idea to use the utility principle was not discovered by J. Bentham, the philosophy of utility, which affected the development of politics and law was founded

by him. In the Russian legal science, the formation of legal utilitarianism is associated with ideas of J. Bentham (Nersesyancz, 2004:646; Ostroukh, 2002:224–225, 227, etc.; Seydemetova, 2011:62).

In fact, there had been a lot of legal doctrines based on the utility principle before Bentham's works. However, in certain scientific papers there is an opinion that utilitarianism appeared in an earlier period. Thus, C. Sorinel (Sorinel, 2011:274) together with K. Mathis, D. Shannon (2009:103) find the origin of utilitarianism in Antiquity, Aristippus of Cyrene, Epicurus, Parmenides, British Moralists, and certain philosophers and theologians, such as G. Berkley and J. Gay. G.L. Lustila (2018:86–106) asserts that J. Gay was the first utilitarian. M.D. Caro (2016:1–12) finds the origins of utilitarianism in the works of C. Beccaria, while R.C. Chaurasia (Chaurasia, 2001:359) claims that the founder of utilitarian school is F. Hutcheson, as he was the first to develop the formula of the greatest good of greatest number. Therefore, the question arises whether J. Bentham was the first legal utilitarian.

Undoubtedly, J. Bentham developed the legal utilitarianism in sufficient detail. The significance of his works for the development of legal thought is beyond any questions. At the same time, can it be supposed that he was not the first to develop the legal doctrine based on the utility principle? It is likely that the early utilitarianism appears in the works by F. Hutcheson and C. Beccaria and some other philosophers and legal theorists of the early modern period, and the first preconditions of utilitarianism and the utility principle application in legal doctrines appeared much earlier. In order to determine whether the doctrine of utility principle in legal affairs was sufficiently developed early second half of the 18th century and to state that J. Bentham was not the first legal utilitarian, we should conduct an in-depth study of pre-Bentham legal thought based on the utility principle.

Utility principle in the legal thought of the Ancient World

Recognition of the utility principle as a factor, which should guide the decision-making process, as well as politics and legal affairs, had come up long before the classical utilitarianism.

The Arthashastra, the Old Indian artefact of legal thought, is commonly translated from Sanskrit as “the science of politics”. However, the word-for-word translation is “the science of benefit” or “guide to achieving utility” (Kosambi, 1977:141). The Arthashastra recommends implementing a policy based on secular principles. Practical utility rather than the Divine Providence should guide us. This is, inter alia, the basis of legal force of regulatory provisions. Proceeding from the expediency and practical utility principles, secular laws (dharma established by the king's order) are preferred to religious laws. Moreover, Kautilya, the author of the Arthashastra, ex-

pressly instructs to be guided by utility as he holds that “wealth, and wealth alone, is important, inasmuch as charity and desire depend upon wealth for their realisation”¹.

The text of the Arthashastra reflects, in one way or another, the necessity to make decisions, including those having legal consequences and based on the utility principle. Thus, as regards the personality of a wise king, his imperious utilitarian functions are obvious. At the same time, based on the utility principle it is concluded that: “In the happiness of his subjects lies his happiness; in their welfare his welfare; whatever pleases himself he shall not consider as good, but whatever pleases his subjects he shall consider as good”². Simultaneously, to ensure happiness (welfare) the king cannot allow violating the laws established by him. Thus, according to the Arthashastra, the state governance shall be based on strict observance of laws, but such laws, in turn, shall be dictated by the necessity for improvement of overall welfare and happiness of people.

In Ancient India, not only the Arthashastra is based on the utility principle. The followers of Brihaspati and Charvaka (Lokayata) schools taught that the wisdom consists in striving for pleasures and avoiding pain where possible. In the *Mimamsa Sutra* (Sandal, 1999:1–4), the goods are defined as anything that brings happiness, and therefore the measure of value is anything that leads to satisfaction of needs, thus bringing the utility and (or) leading to pleasures. N.A. Nikam (1967:55–56) notes that some Indian schools teach that all things have value as they are directly associated with the conscious satisfaction.

Given the above, we assume that the utility principle in the history of legal thought has been already addressed in the Ancient India. The aforesaid Indian thought is close to the classical utilitarianism by their essence, and in particular, ideas are based on the necessity to achieve happiness, pleasures or utility. Thus, S.N. Gupta (1978:7), the Indian axiology scholar, notes in “The Indian concept of values” that the value is also understood as utility, and this serves the basis for European subjectivistic concepts defining values through the psychological state of an individual (including utilitarianism), i.e. the concepts of J. Bentham, J.S. Mill, H. Sidgwick and H. Spencer.

Thus, the utility principle was used in legal thought of Ancient India as a criterion for evaluation of legally significant actions. At the same time, the Arthashastra uses as a moral orientation not only the utility, but also love, and the law³ itself what is even more important within the framework of legal doctrines. Legal regulations are not always governed by the utility principle. The law and utility principle are more likely to serve as relatively independent moral orientation, though it is not ruled out that the law may be based on utility in some situations. Moreover, the legal thought of Ancient India is not premised on the goal to provide the greatest good for the greatest number. Considering this, it seems to be impossible that the legal utilitarianism

¹ Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 7, Paragraph 4.

² Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 19, Paragraph 13.

³ Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 7, Paragraph 3.

emerged in Ancient India. *Kautilya was not the first legal utilitarian*. Nevertheless, the beginning of the utility principle application, in the legal field as well, dates back to those times.

At first sight, utilitarianism as an individualistic and often egoistic concept does not correlate well with such traditional values of Chinese philosophy as a need for virtue, humanity, (*ren*, 仁), the *Junzi* concept (superior person, for whom public interests come before his own) and others. Along with this, Y. Feng holds that *Mozi* was a utilitarian, placing his “philosophy of virtues” in opposition to the Confucianism. “The Confucians tried to be correct in righteousness, without considering whether profit (would result); tried to be pure in their principles, without considering whether this would bring material return. The Mohist school, on the other hand, laid exclusive emphasis on ‘profitableness’ (*li*, 利) and ‘accomplishment’ (*gong*, 功).” (Feng, 1952, I:84).

Analysing the attitude to love in the mohism, Z. Li also notes utilitarian principles of the *Mozi* philosophy: “In *Mozi*, ‘love’ has its conditions, and it is based upon material utility in real life. It is not rooted in the inner and psychological ‘*ren*’ (仁, benevolence) but has its origin in the external ‘*yi*’ (义, righteousness) which is a doctrine of mutual-benefit. Acting according to ‘profitableness’ and ‘righteousness’ is the moral rule and criterion of small peasant proprietors.” (Li, 1986:58–59).

Thus, *Mozi* and his followers believe that righteousness or moral are associated with the material benefit. Such a narrative of *Mozi*'s moral philosophy still prevails and is popular in scientific studies. V.A. Rubin expressly states that “*Mozi* presumed that a man is concerned of seeking pleasure and avoiding pain” (Rubin, 1999:28–30), thus equating it with utilitarianism. Driven by Y. Feng and Z. Li, the *Mozi* theory is supposed to have been wrongly classified as utilitarianism by certain researchers.

According to *Mozi*'s ideas, an urge to profit or utility is not a result of self-gratification, but the way to achieve common welfare by exercising virtues in relation to third parties (without personal preferences). Accordingly, achievement of the maximization of utility is aimed at the welfare for society in general. This should serve the basis for the state policy and legal regulation for its implementation. Thus, in order to increase the welfare of everyone the state issuing obligatory decrees may influence particular individual by rewards and penalties, repressing the socially dangerous and injurious behaviour and encouraging the desirable acts for the achievement of the aforesaid goal. In contrast to J. Bentham, *mohism is not utilitarian*, precisely because this is not an individualistic concept as the rest of areas of Chinese philosophy. It is not hedonistic. The importance of outcomes that are good for the state outweigh the importance of individual utility, and therefore it can be attributed to the state consequentialism rather than legal utilitarianism.

The utilitarianism of J. Bentham originates from the increase in the number of pleasures and decrease in the number of pain to maximize utility. In Ancient Greek, pre-Socratics Democritus and Eudoxus of Cnidus described pleasure as the highest good. The first hedonistic school was founded by Aristippus of Cyrene, a student of

Socrates, who stated that pleasure is the highest good and a single purpose in life. The listed philosophers proclaimed other fundamental values similar to utilitarianism.

According to Democritus, the state exists for the public good and justice. Public interests prevail over private ones, and the activity of citizens should be aimed at improving the social order. The aim of law is to benefit the life of man, but the prerequisite for its achievement is subordination to law. Actually, according to Democritus, laws are necessary for polis citizens to curb their inherent egoism, envy, discord, mutual causation of injury, which according to Democritus are caused because “people are willing to achieve happiness and the good” (Vitz, 1979:145). These aspirations impeding the detriment of the public interest are caused by human nature, which proceeds from the motive for improvement of one's own position, not always considering the interests of third parties.

To eliminate negative consequences of obedience to human nature, “the law seeks to give seemly form to the lives of people [...] for only to those who obey it does it reveal its full and peculiar excellence” (Malakhov (ed.), 2003:84). Thus, we should subordinate to law to achieve the common good. According to Democritus, certain individuals should be legally punished, if their actions are aimed at enjoying pleasure by themselves at the expense of society; the same refers to the achievement of common good and (or) if they make other people suffer by their actions. “As there are laws against hostile [towards humans] animals and creeps, the same way we should treat people, I think. [...] Laws would not make everybody's life a misery if one does not make harm to the other” (Malakhov (ed.), 2003:84–85).

In general, Democritus views on crime and punishment are based on his vision of law as an enforcement tools against those, who due to their moral and mental deficiencies do not tend to virtue voluntarily “by their inner drive and verbal persuasion”.

The classical utilitarianism comes to the same conclusion. Punishment for the conviction of crime makes the offender pain, and therefore decreases its utility, but is necessary to prevent even more pain (because of repression of persistent crimes in the future). Considering the Democritus attitude, this utilitarian conclusion is not new. Legal views of Democritus are similar to the classical utilitarianism from the standpoint of public evaluation of consequences of legally significant actions. Reference to happiness and welfare as motives for human behaviour in the Democritus philosophy of law is close to the ideas of J. Bentham. However, Democritus did not proclaimed the philosophy of utility as a landmark of state governance (the necessity to achieve the common good, in our opinion, does not mean that the purpose of any law should be the greatest good for the greatest number). Moreover, it is emphasized that Democritus theory was not utilitarian as such, that he pointed out the need to confine oneself to a sense of moderation (not to maximize pleasure like in the utilitarianism): “the golden mean in everything: I like neither lack, nor abundance [...] the good sense of mind appears through moderation in pleasures” (Ivanova, 2009:12). Thus, it is assumed that *Democritus was not the first legal utilitarian.*

The ideas of ethical utilitarianism can be found in Socratic dialogues. This is stated by multiple researchers, including R. Hogan (Hogan, 1978:118–131) and W. Guthrie (Guthrie, 1971:143–144). In opposition to this, I.Y. Kozlikhin and E.V. Timoshina (Kozlikhin, Timoshina 2016:9–16) stick to the point that Xenophon might have exaggerated the utilitarianism of Socrates.

According to the Xenophon's recollections, Socrates notes the necessity for self-consciousness, evaluation of one's skills and abilities through the utility: “for those who know themselves know what suits them [...] by doing what they understand how to do, they procure what they need and do well” (Bruell, (ed.), 1994:120). The utility principle is also applied in the legal ideas of Socrates. Thus, the Republic of Plato contains the Socrates' utilitarian answer to the question about justice: “the just is something of advantage” (Bloom, Kirsch, (eds.), 1991:16). Taking into account that in the Meno of Plato Socrates equates the utility and the good. We point out that according to Socrates the state governance should be exercised with the objective of achieving virtue for everyone by “good people”.

It is supposed that this also generates the need to observe the polis law and substantiation of unequal rights of a polis and a citizen according to Socrates. Thus, if skilled people govern, such governance is attributed to the need to achieve a virtue and common good. According to V.S. Nersesyantcz (1996:82), the administration of polis affairs based on knowledge is regarded by Socrates as a single reliable path to the common good. Similarly, classical and modern legal utilitarianism concepts proceed from the need to achieve the common good or maximize the total (public) utility in the state governance, whilst knowledge and minimization of asymmetry and other incompleteness of information in the decision-making play a critical role just as in the Socrates's theory.

While noting certain features of ethical utilitarianism in the legal doctrine of Socrates, one cannot but agree with I.Y. Kozlikhin and E.V. Timoshina insofar as these features are rather attributed to the Xenophon's interpretation than to the actual utilitarianism of Socrates. If Socrates had adhered to the position of ethical utilitarianism attributed to him by Xenophon, he would have had to adapt himself to the circumstances arising in his life. At least, he would have avoided the initiation of legal case against himself, not to mention the fact that if such a case had been brought, he would have saved himself from “misfortune” — the death penalty.

Socrates, in his activities, was least of all guided by his own profit and utility, he did not consider any circumstances, and, believing in the justice of his cause, he deliberately condemned himself to “unhappiness”, he did not compromise his conscience and beliefs during the trial, and did not try to use an opportunity of escape from prison after sentencing. *Thus, Socrates was not a utilitarian.*

Aristotle and Plato stand at the origins of many social sciences. Aristotle's state and legal views are mainly described in his treatise “Politics” (Skvorcov, 1893:145–146), in which the author notes that to gain happiness one should follow the virtues. The state contributes to the achievement of this goal. Thus, according to

Aristotle, the state is “a mass [...] of citizens [...] which suffices itself to satisfy all the needs of life” (Skvorcov, 1893:97). The philosopher admits that such needs, include without limitation the material needs, and the need to protect people from mutual injustice, but at the same time the main motive “is not just to live, but rather to live happily,” and therefore “the state's goal is the happiness of life” (Skvorcov, 1893:97).

Plato also notes that the reason for state emergence is the need to satisfy people's needs. This idea is the basis for definition of the state: “when one man takes on another, for one need and another for another need, and, since many things are needed, many men gather in one settlement as partners and helpers, to this common settlement we give the name city” (Bloom, Kirsch, (eds.), 1991:46). According to Plato, state and legal processes are caused by the need to gain utility. At the same time, the aim of law should be meeting the needs of people, if possible. The priority of the common good over the private one is justified thereby (Bloom, Kirsch, (eds.), 1991:198). Later, in his felicific calculus, J. Bentham has determined the formula to prove the need to achieve the greatest happiness for the greatest number (also F. Hutcheson before J. Bentham), and following Plato, has actually defined the priority of utility or happiness for majority over the utility or happiness of separate individuals, laid the beginning of the unsolvable unambiguous problem of ethics and philosophy, as well as of law at certain stages of its development, whether it is acceptable to sacrifice the happiness or utility of one individual for the sake of significant increase of utility of another one or the majority? Is it admissible to seize property from a well-off person and redistribute it to the benefit of the most unprivileged persons (subject to the law of diminishing marginal utility)? Is it admissible to commit crimes or other offences under conditions of necessity or “under the influence of passion” if the person committing the act prohibited by law will provide the equivalent (or greater) compensation for the pain of victims? According to utilitarianism, the listed actions should lead to the increase in overall happiness, but not always such actions or other events are consistent with the general legal principles of equality and justice. This was undoubtedly the reason why the felicific calculus of J. Bentham and subsequent ideas of utilitarians were criticized by researchers, especially as it pertains to the aggregation of utility of different individuals with the subsequent substantiation of the necessity to make decisions redistributing the utility. Obviously, fundamentals of these ideas were laid by Plato.

The completed analysis of the legal thought of the Ancient World leads to the conclusion that certain ideas regarding the application of the utility principle within the framework of legal affairs were not sufficiently developed to assert the emergence of legal utilitarianism at that time, though they were close to the classical legal utilitarianism. At the same time, the abundance of ideas of various law theorists makes it possible to conclude that many topical issues of utilitarianism have been considered. In our opinion, the legal utilitarianism did not appear in the Ancient World due to the absence of the systematized legal thought, which absorbed the ideas of its predecessors and created a unified and consistent theory based on them. Simultaneously, in his

“Essays on the Philosophy of Law” I.V. Mikhailovskii writes: “the considered branch of ethics [utilitarianism — *remark by the author*] is quite old: it existed back in Greek philosophy; there is an opinion that Aristotle was a utilitarian” (Mikhailovskii, 1914, I:90). At the same time, recognizing some similarity of branches and referring to the Aristotle's words from the Politics, I.V. Mikhailovskii notes that the latter was not an advocate of proceeding only from the utility principle in all situations.

“The ancient civilization, its material and spiritual culture, the ancient production process, the ancient mentality itself have always had a tremendous impact on the genesis of European culture as a whole, on its formation and development” (Sigalov, 2018:45). It seems that such a tremendous impact was also observed in the context of the use of the utility principle in relation to the state and legal phenomena. Some of the considered theories, as it was justified, are intrinsically close to the classical legal utilitarianism and had a significant impact on it. However, the ideas of Ancient thinkers regarding the application of the utility principle to the state and legal phenomena were not systematized but heterogeneous and covered only the limited sphere of social life. *Thus, for these reasons, it is impossible to trace the origin of legal utilitarianism in the Ancient World.*

Utility principle in the legal thought in Early modern period

In early modern period, the idea of the need to achieve happiness, common good and, consequently, people's utility function appeared among philosophers and educators even before the classical legal utilitarianism. Thus, B. Spinoza notes that “every one [...] seeks his own interest” (Spinoza, 1891, I:74). Utilitarian views of B. Spinoza have much to do with his ideas described in the *Tractatus de Intellectus Emendatione*, which he begins by analysing the value of different goods. B. Spinoza notes that the acquisition of certain goods is associated with the probabilistic outcomes, and people tend to strive for riches and honour: “the more we have of them [honour and riches — *remark by the author*], the more our joy increases” (Spinoza, 1895:3). For B. Spinoza, riches and honour are associated with the increased personal utility. The gain in riches and honour leads to the increased utility just as it was with the marginalism (a few centuries later). B. Spinoza obviously proceeds from the assumption that the individual's utility increases if others share true benefits with him.

Given that the utilitarianism of B. Spinoza appeals to the need to get only “true benefits” rather than to maximize pleasure (any pleasure), the actions of individuals, according to B. Spinoza's ethics, are measured by one fundamental principle: whether they meet the criterion of attainment of excellence. In this case, a particular act is morally positive when it is based on positive motives and when it simultaneously leads to the consequences that meet the criterion of excellence and does not lead to pain. It is believed that this Spinosian concept is similar to the utilitarian principle of maximizing utility.

If the actions of certain individuals are aimed at attaining excellence and do not lead to pain, then such activity is socially desirable or at least it is not socially undesirable or socially dangerous. Such behaviour should be encouraged by statutory regulation or at least it should not lead to the legal liability. This is the criterion for the legal policy implementation according to B. Spinoza.

Taking into account the assessment of actions based on their consequences, we find it possible to suppose that the above mentioned legal ideas of B. Spinoza were consequential. But are they utilitarian, taking into account that utilitarianism is a kind of consequentialism? V. Gluchman (Gluchman, 1995:53) makes a distinction between utilitarian and non-utilitarian consequentialism, which is as follows.

Non-utilitarian consequentialism, as opposed to utilitarian:

1) evaluates not only the consequences of one or another action, but also the motives, intentions and other circumstances, that are not expressed as a result of action;

2) has a broader structure of values, which is not limited to utilitarian values only;

3) does not assume that the action is morally justified simply because it leads to the best possible consequences (the maximization principle) and, therefore, can be morally justified even if only positive consequences of this action prevail.

Considering this, it is noted that there are many provisions in the moral philosophy of B. Spinoza, which associate him with utilitarianism, for instance, his methodical use of eudemonistic, hedonistic or utilitarian approaches to solve ethical issues (Gluchman, 1996:72). Nevertheless, for B. Spinoza the utility of action is always associated with the necessity for continuation of existence and self-improvement, that is with his conatus (Zuolo, 2016:23-40). To this end, the Spinoza's concept of utility was rather a metaphysical or epistemological utilitarianism than its ethical form.

In many situations, individuals have an opportunity to act in a certain way to maximize the utility of their actions, using methods contrary to the rational essence, and the works of B. Spinoza do not encourage such actions. The theory of B. Spinoza is aimed at excellence, but it does not put the excellence of individual over the excellence of the world. The human action not only increases or decreases his own excellence, but also social or natural excellence and these excellences are more important to B. Spinoza than individual excellence.

Accordingly, we believe that this is the reason why legal ideas of B. Spinoza are based on the assumption that laws should restrict the actions of individuals so that such actions in their own interests do not harm society and the common social welfare. For this reason, such legal institution as legal liability is especially important, it is as important as strict observance of laws, but only this political and legal consequence of moral philosophy of *B. Spinoza* is in contrast to his ideas that it is *not necessary to maximize utility by any means. Thus, it does not allow us to draw a conclusion about the classification of his doctrines as the legal utilitarianism.*

The beginning of utilitarianism can be seen in certain conclusions of F. Hutcheson as well as B. Spinoza. Thus, F. Hutcheson, and not how generally accepted to

consider J. Bentham, was the first to word the fundamental formula of utilitarianism: “That Action is best, which procures the greatest Happiness for the greatest numbers; and that, worst, which, in like manner, occasions Misery” (Hutcheson, 2008:125). C. Beccaria’s works also include ideas about being guided by the utility principle. Thus, he noted: “the sovereign’s right to punish crimes is based on the need to protect the depository of the common good from encroachments of certain individuals” (Beccaria, 2004:90). In this case, it should be understood from the work of C. Beccaria “On Crimes and Punishment” that the need to adhere to the principles of the common utility and the common good should result in actions committed within the limits of the law and not in violation of the law, even if such violation is supposed to result in the attainment of the common utility.

According to C. Beccaria and B. Spinoza, unlike J. Bentham, the considerations of common utility, no matter how important they may be, should never lead to violation of the law, to justification of injustice, which does not allow us to attribute their thought to the utilitarianism in the pure form. F. Hutcheson turns to the public interest. The utilitarian prerequisite of his legal doctrine is based on the analysis of actions that are positive in relation not to a certain individual, but to the majority, which makes it possible to attribute his doctrine to non-utilitarian consequentialism rather than utilitarianism, relying on the premises of V. Gluchman. Thus, *the utilitarian orientation is present in the works of B. Spinoza, F. Hutcheson and C. Beccaria, but it is not dominant like that of J. Bentham*. At the same time, it cannot be denied that these thinkers have laid some foundations for the emergence of legal utilitarianism of J. Bentham.

Some ideas similar to utilitarianism are found in the works of theological philosophers, such as R. Cumberland and J. Gay. The J. Gay’s utilitarianism can be expressed in three main theses formulated by him (Selby-Bigge, 1897, II:849–887):

- 1) personal happiness is the ultimate goal of all human actions;
- 2) the direct criterion of virtue is “the will of God”. In this case, the happiness of mankind is the criterion of God’s will. Thus, the happiness of mankind can be called the criterion of virtue;
- 3) the duty is a need to take or refrain from taking any actions to be happy.

J. Gay actually created a doctrine based on an individual pursuit of happiness by laying the foundation that is also relevant to the ideas of W. Paley and J. Bentham. In “A Fragment on Government”, J. Bentham forms an axiom, which is fundamental for his utilitarianism, that the measure of the correctness of state governance is the greatest good for the greatest number. These are the theses formulated not only by F. Hutcheson, but also by J. Gay.

R. Cumberland and J. Gay believed that human happiness is achieved through the actions of individuals themselves with the blessing of God. Such actions include, but are not limited to, obligations to others arising out of a law written by people or an agreement concluded between people. Thus, theological philosophers wrote regarding the law: “considering all existing kinds of obligations [...] the universal of

such obligations is that which is applicable in all cases. Such an obligation may arise only by the will of God” (Cumberland, 1978:412). This interpretation of the emergence of obligations has been combined with the analysis of motivation of human behaviour, its selfish nature, i.e., the need of individual to achieve his own well-being. Whether a person achieves happiness, whether he will do righteous deeds depends on whether his actions correspond to the will of God. In other words, an individual will utility from those actions, which are approved by God and which, in particular, involve the observance of the law and commission of permissible civil law agreements as entailing obligations. However, in our opinion, such utilitarianism as a legal concept has a significant deficiency as it does not define the God's “normative role” at least in terms of normative ethics. The God as a “source of normativity” is compatible with utilitarianism, but utilitarianism as a legal concept can be self-sufficient without including God in the concept, which allows us to conclude that these *theologian philosophers were not the first legal utilitarian*.

The enlightening ideas of the early modern period, which led to the formation of the idea of natural law and a social contract, are similar to utilitarianism in the philosophy of happiness, as a result of achieving pleasure and avoiding pain. Thus, J. Locke writes: “happiness then in its full extent is the utmost pleasure we are capable of, and misery the utmost pain.” (Locke, 1824, I:245). Since people, by virtue of natural law, are equal, government should be built in order to provide the opportunity to achieve happiness by obtaining the highest pleasure and avoiding pain on an equal footing by all people. For these purposes, law must ensure freedom. Thus, J. Locke notes that “the necessity of pursuing happiness [is] the foundation of liberty. As therefore the highest perfection of intellectual nature lies in a careful and constant pursuit of true and solid happiness; so the care of ourselves, that we mistake not imaginary for real happiness, is the necessary foundation of our liberty. The stronger ties we have to an unalterable pursuit of happiness in general, which is our greatest good, and which, as such, our desires always follow, the more are we free from any necessary determination of our will to any particular action” (Locke, 1824, I:252–253). Thus, a person should be able to achieve happiness. J. Locke, even before J. Bentham, proclaims a formula for maximizing pleasure and minimizing pain, but unlike legal utilitarianism, he considered it impossible to allow the pain of one person to bring more pleasure and, accordingly, happiness to another person (to other persons; in other words, in public interest). He did not put happiness, pleasure, utility above equality and freedom. *Equality and freedom are primary, that does not allow us to classify J. Locke's legal doctrine as legal utilitarianism*.

Before J. Bentham, utilitarian ideas in the field of law were largely opposed to the ethical philosophy of T. Hobbes. Basically, such rationalists as the Cambridge Platonists and R. Price, in fact, appealed to an objective good or right. Such sentimentalists as F. Hutcheson rejected the T. Hobbes' egoistic theory and defended the need to adhere to virtues and the moral component of activity. Other philosophers, appealing to the utility principle, opposed T. Hobbes, denying his “bellum omnium contra omnes” (the

war of all against all). *In fact, the early utilitarianism was formed before J. Bentham; it was based on the need to achieve happiness and reduce pain.* The achievement of these goals should correlate with legal regulation. At the same time, early utilitarians proceeded from the need to maintain the balance between the interests of each person in achieving his or her own personal happiness and the common good. Some ideas of the early utilitarians were repeated in the classical legal utilitarianism.

Although hedonistic and eudemonical ideas were repeatedly expressed in the history of legal thought in Ancient India, Antiquity and Modern Age, the legal utilitarianism obtained its first systematic structure as a moral system, looked at as the basis for legal regulation, in the works of J. Bentham. The legal thought of J. Bentham, unlike his predecessors, is fully based on the utility principle. Before him, the utility principle, as a rule, played an auxiliary role in legal doctrines. Utility principle is also called the principle of happiness and welfare, as it shows the principle's association with pain and pleasure, which are the true “sovereign masters” of mankind.

Thus, J. Bentham's legal thought continues ideas of antique philosophers, who concentrate on the notion of pleasure and its role for an individual (Aristippus, Democritus, Epicurus and others), on the one hand, and early modern period philosophers, who proceed from the need to achieve happiness, which should be ensured by implementation of certain legal regulation (F. Hutcheson, C. Beccaria, J. Gay and others), on the other hand. The legal utilitarianism of J. Bentham absorbed both of these branches of legal thought and, thanks to the synthesis of their ideas, it became possible to comprehensively justify the need to administer legal affairs based on the utility principle.

The J. Bentham's status of a founder of legal utilitarianism is confirmed by the universality of the utility principle application that was not observed in his predecessors. Having considered the nature of utility and its role in motivating the human activity, the philosopher has determined the legal regulation in various branches of law by the utility principle.

J. Bentham holds that the “art of legislations” consists of only two branches — civil law and criminal law. In the civil law, in continuation of the economic principle of non-interference “laissez-faire”, J. Bentham, justifies the necessity of freedom of contracts and non-interference of the state in civil relations of citizens provided that the obligations arising from the respective contracts are properly performed. The ideas of the thinker correspond to such principle as equal legal capacity of all civil actors, the principle of “pacta sunt servanda” and others.

In the field of criminal law, relying on the need to minimize pain, J. Bentham proceeds from the necessity to respect the principle of proportionality of punishment to the crime committed. In his opinion, only those acts, which cause real harm to society, should be considered a crime. J. Bentham defines the concept of punishment based on the utility principle. Punishment as a measure of criminal liability is a necessary, but “undesirable evil” because it imposes “pain” as a means of eliminating even greater “pain” and thus contributes to maximizing the utility. Maximization of

social utility is the main reason for punishment and the main justification for it. Considering this, punishment should be an inevitable consequence of crime, even though it brings pain to the offender.

J. Bentham believes that no matter how hard people try to avoid the governance of pleasure and pain over them, they strengthen it even more in such a way. In Bentham's ideas, the dichotomy of pleasure and pain as the main drivers of human behaviour has become absolute for the first time in the history of legal thought. The mere principle of utility is based on this dichotomy because it approves or rejects the action depending on happiness and pain resulting from that action. At the same time, J. Bentham emphasizes in the definition of the utility principle that this principle is applicable to any action, including every measure of government, and therefore to the law.

Since the key issue is the question of coercion to follow any regulations, and coercion works only through pleasure or pain, J. Bentham finds it necessary to identify their sources: physical, political, moral and religious, referred to as sanctions. It is they that give force to certain laws and rules, i.e. they are the sources of law, and pain resulting from the failure to comply with these laws take the form of legal liability. Given the above, we believe that *J. Bentham was the first legal utilitarian*.

Conclusion

Before the Bentham's theory, many philosophers and researchers in the history of legal thought were guided by the utility principle in one or another aspect of their works. In our opinion, the work ate a new concept. The mere idea to use the utility principle as a fundamental one in determining the guidelines for the development of state and law, politics and society dates back to the Ancient World — to Ancient India and Antiquity.

At the same time, J. Bentham created the first detailed moral system as the basis for legal regulation. The Bentham's theoretical development of issues related to the utility principle in law had a significant impact on jurisprudence, both theoretical and practical. In the theoretical part, he has laid the foundations for a new legal doctrine — legal utilitarianism — as it was substantiated in this article. In the practical part, it is difficult to overestimate the impact of “Newton Legislation” (Hoesch, 2018:315) on the legal regulation in various branches of law, especially in criminal law, including modern law. The tendency of utilitarian determinism of the development of law and legal science during the XIX century, and in the first half of the XX century gained its impetus (Hart, Sacks, 1958:113–114). By that time, the theory of criminal law had become clearly utilitarian, although certain prerequisites for this had been revealed previously. In the United States of America, the concept of “absolute” rights was abandoned in favour of “balancing test” with actually utilitarian prerequisites⁴. Utilitarianism has also had a significant impact on civil law, in particular, on tort and con-

⁴ See: *United States v. Dennis*, 183 F. 2d 201, 212 (2d Cir. 1950), 341 U.S. 494 (1951).

tract law. J.B. Ames (Ames, 1908:97, 110) notes the significant impact of utilitarianism on the law in general: “The law is utilitarian. It exists for the realization of the reasonable needs of the community”.

Considering this, we can state that the theoretical basis and preconditions for the emergence of legal utilitarianism appeared long before J. Bentham. At the same time, legal utilitarianism appears only in the Modern Age, and the first who managed to systematize the ideas related to application of the utility principle within the framework of state governance and legal regulation in general was J. Bentham. Thus, despite the existence of separate legal ideas based on the utility principle, we believe that J. Bentham was the first to develop the fundamental legal concept of utilitarianism.

References / Библиографический список

- Ames, J.B. (1908) *Law and Morals*. Harvard Law Review, 22 (2), 97-113. DOI: 10.2307/1324144.
- Beccaria, Ch. (2004) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh. Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo [Beccaria, C. On Crimes and Punishments. V.S. Ovchinsky (ed.)]*. Moscow: INFRA-M Publ. (in Russian).
- Беккарриа, Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
- Bentham, J. (2000) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Batoche Books. Kitchener.
- Bloom, A., Kirsch, A. (eds.) (1991) *The Republic of Plato*. Second edition. A. Bloom (ed.). New York: Basic Books.
- Bruell, C. (ed.) (1994) *Xenophon: Memorabilia*. C. Bruell (ed.). A.L. Bonnette (tr.). Ithaca, NY and London: *Cornell University Press*. DOI: 10.1017/s0009840x00251445.
- Caro, M.D. (2016) Utilitarianism and Retributivism in Cesare Beccaria. *The Italian Law Journal*, 1 (2), 1–12.
- Chaurasia, R.C. (2001) *History of Western Political Thought*. Atlantic Publishers & Dist.
- Cumberland, R. (1978) *De Legibus Naturae Disquisitio Philosophica (A Treatise of the Laws of Nature)*. J. Maxwell (ed.), reprinted New York, Garland.
- Eggleston, B., Miller, D.E. (2014) *The Cambridge Companion to Utilitarianism*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/cc09781139096737.
- Feng, Y. (1952) *A History of Chinese Philosophy*. Trans. D. Bodde, Princeton, NJ: Princeton University Press. Vol. 1: The Period of the Philosophers (from the Beginnings to Circa 100 B. C.).
- Gluchman, V. (1995) *Etika konzekvencializmu*. Prešov: ManaCon. (in Slovak).
- Gluchman, V. (1996) *Etika sociálnych dôsledkov a jej kontexty*. Prešov: PVT. (in Slovak).
- Gupta, S.N. (1978) *The Indian Concept of Values*. New Delhi: Manohar.
- Guthrie, W. (1971) *A History of Greek Philosophy*. Cambridge: University Press.
- Hart, H.M., Sacks, A. (1958) *The Legal Process: Basic Problems in the Making and Application of Law*. Foundation Press.
- Hoesch, M. (2018) From Theory to Practice: Bentham’s Reception of Helvétius. *Utilitas*, 30 (3), 294–316. DOI: 10.1017/s0953820817000309.
- Hogan, R. (1978) Was Socrates a “Utilitarian”? *Journal of Philosophy*, 2 (5), 118-131. DOI: 10.17161/ajp.1808.8913.
- Holdsworth, W. (1940) Bentham's Place in English Legal History. *California Law Review*, 28(5), 568–586. DOI: 10.2307/3477031.

- Hutcheson, F. (2008) *An Inquiry Into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises*. W. Leidhold (ed.). Indianapolis: Liberty Fund.
- Ivanova, I.S. (2009) Evdemonizm kak odna iz sostavlyayushchih filosofskoj osnovy servisologii [Eudaimonia as a Component of the Philosophical Framework for Servisology]. *Servis Plus [Service Plus]*, 4, 7–13. (in Russian).
Иванова И.С. Эвдемонизм как одна из составляющих философских основ сервисологии // *Сервис plus*. 2009. № 4. С. 7–13.
- Kosambi, D.D. (1977) *The Culture and Civilization of Ancient India*. New Delhi: Vikas Publishing House.
- Kozlikhin, I.YU., Timoshina, E.V. (2016) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij. Kurs leksij [History of Political and Legal Thought. Lecture Course]*. 2-e izdanie. Uchebnoe posobie. Moscow: Prospekt Publ. (in Russian).
Козлихин И.Ю., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений / Курс лекций. 2-е издание. Учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 490 с.
- Li, Z. (1986) *中国古代思想史论 [A History of Ancient Chinese Thought]*. Collected Papers on Ancient Chinese Thought. Beijing: Renmin Press. (in Chinese).
- Locke, J. (1824) *The Works of John Locke in Nine Volumes*. London: Rivington. 12th ed. Vol. 1.
- Lustila, G.L. (2018) John Gay and the Birth of Utilitarianism. *Utilitas*, 30(1), 86–106. DOI: 10.1017/S0953820817000115.
- Malakhov, V.P. (ed.) (2003) *Demokrit. Malyi diakosmos [Democritus. Mikros Diakosmos]*. Pravovaya mysl': Antologiya [Legal Thought: Anthology]. Moscow: Akademicheskij projekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga Publ. (in Russian).
Демокрит. Малый диакосмос // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 84–85.
- Mathis, K., Shannon, D. (2009) *Efficiency Instead of Justice?* Law and Philosophy Library. Springer, Dordrecht. 103–119. DOI: 10.1007/978-1-4020-9798-0_6.
- Mikhailovskii, I.V. (1914) *Oчерки filosofii prava [Essays on the Philosophy of Law]*. Tomsk: Izdanie knizhnogo magazina Posokhina V.M. Publ. T. 1. (in Russian).
Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск: Издание книжного магазина Посохина В.М., 1914. Том 1. 604 с.
- Nersesyancz, V.S. (1996) *Sokrat [Socrates]*. Moscow: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M-NORMA Publ. (in Russian).
Нерсесянц В.С. Сократ. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1996. 312 с.
- Nersesyancz, V.S. (2004) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij: Uchebnyk dlya vuzov [History of Political and Legal Thought: A Textbook for High Schools]*. Moscow: Norma Publ. (in Russian).
Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 944 с.
- Nikam, N.A. (1967) *Some Concept of Indian Culture*. Simla: Indian Institute of Advanced Study.
- Ostroukh, A.N. (2002) Dzheremi Bentam o ponyatii i sushchnosti prava [Jeremy Bentham on the Definition and Essence of Law]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie [Letters of Higher Educational Institutions. Jurisprudence]*, 5(244), 222–231 (in Russian).
Остроух, А.Н. Джереми Бентам о понятии и сущности права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 5 (244). С. 222–231.
- Rubin, V.A. (1999) *Lichnost i vlast v Drevnem Kitae [Personality and Power in Ancient China]*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (in Russian).

- Рубин В.А. *Личность и власть в Древнем Китае*. М.: Восточная литература, 1999. 383 с.
- Sandal, M.L. (ed.) (1999) *Mimamsa Sutras of Jaimini*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishe. I. 1.
- Selby-Bigge, L.A. (ed.) (1897) *British Moralists being Selections from Writers principally of the Eighteenth Century*. Oxford: The Clarendon Press. Vol. II.
- Seydemetova, R.E. (2011) Predstavleniya Ieremii Bentama o gosudarstvennom ustrojstve [Bentham Policy Ideas]. *Yurist-pravoved [The Lawyer]*, 47(4), 59–63. (in Russian).
Сейдеметова Р.Е. Представления Иеремии Бентама о государственном устройстве // Юристы-Правоведы. 2011. № 4 (47). С. 59–63.
- Sigalov, K.E. (2018) Prostranstvennyye i temporal'nye osnovaniya osvoeniya pravovoi tsivilizatsii: pokorenie ili absorbtsiya [The Spatial and Temporal Grounds of Legal Civilization Development: Concentration or Absorption]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]*, 22(1), 42–65. DOI: 10.22363/23132337-2018-22-1-42-65. (in Russian).
Сигалов К.Е. Пространственные и темпоральные основания освоения правовой цивилизации: покорение или абсорбция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. № 1 (22). С. 42–65. DOI: 10.22363/23132337-2018-22-1-42-65.
- Skvorcov, N. (ed.) (1893) *Politika Aristotelya. Perevod N. Skvorcova [Politics of Aristotle. N. Skvortsov (ed.)]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ. (in Russian).
Политика Аристотеля / пер. и прим. Н. Скворцова. М.: Университетская типография, 1893. 16+333 с.
- Sorinel, C. (2011) Utilitarianism — Origins and Evolution. *Ovidius University Annals, Economic Sciences Series, Series XI, 2*, 273–276.
- Spinoza, B. (1891) *The Chief Works of Benedict de Spinoza*. R.H.M. Elwes (ed.). Revised edition, London: George Bell and Sons. Vol. I.
- Spinoza, B. (1895) *Tractatus de Intellectus Emendatione, et de via, qua optime in veram rerum cognitionem dirigitur*. W.H. White, A.H. Stirling (ed.). New York. Macmillan & Co.
- Vitz, B.B. (1979) *Demokrit [Democritus]*. Moscow: Mysl' Publ. (in Russian).
Виц Б.Б. Демокрит. М.: Мысль, 1979. 212 с.
- Welch, C. (1989) *Utilitarianism*. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. (eds.) *The Invisible Hand*. The New Palgrave. Palgrave Macmillan, London, 257-269. DOI: 10.1007/978-1-349-20313-0_35.
- Zuolo, F. (2016) Nature and Morals: Solving the Riddle of Spinoza's Metaethics. *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 141 (1), 23-40. DOI: 10.3917/rphi.161.0023.

About the authors:

Igor V. Kolosov — Postgraduate Student, Department of History of Law and State, Law Institute, RUDN University

ORCID ID: 0000-0001-9407-8340; SPIN-code: 9151-1394

e-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Konstantin E. Sigalov — Doctor of Juridical Science, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Professor of Department of History of Law and State, Law Institute, RUDN University

ORCID ID: 0000-0002-6864-8570; SPIN-code: 5671-1780

e-mail: sigalovconst@mail.ru

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ И. БЕНТАМ БЫЛ ПЕРВЫМ ПРАВОВЫМ УТИЛИТАРИСТОМ?

И.В. Колосов, К.Е. Сигалов

Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Правовые концепции утилитаризма притягательны для практического применения, поскольку задают определенное направление правовой политики и нормативно-правового регулирования (ориентироваться при принятии решений на принцип пользы), которое может быть с учетом некоторых оговорок использовано с целью улучшения жизни людей. Большинство ученых приходят к выводу о том, что первым правовым утилитаристом был И. Бентам. При этом в научных исследованиях в основном отсутствует анализ более ранних правовых учений, применительно к использованию в них принципа пользы. В связи с этим актуальность и научная новизна анализа зарождения правового утилитаризма обусловлена необходимостью развития теоретической составляющей данного учения, злободневного для политики права, и восполнением недостаточной, на наш взгляд, теоретической разработанности генезиса правового утилитаризма. Целью статьи является определение первого учения в истории правовой мысли, которое возможно причислить к правовому утилитаризму, и, в случае если таким учением является утилитаризм И. Бентама, выявить причины, по которым более ранние учения, использующие принцип пользы, не могут быть отнесены к правовому утилитаризму. Теоретическую основу статьи составили первоисточники мыслителей, работы которых основываются на принципе пользы, а также научные статьи европейских и американских исследователей. Использованная методология включает в себя общеправовые методы (диалектический метод), общенаучные методы (анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия, сравнение) и частнонаучные методы (исторический и историко-правовой). К основным итогам, полученным в результате проведения исследования, относится выявление отличительных особенностей «добентамовских» правовых концепций, основывавшихся на принципе пользы, выявление в них предпосылок и базиса (положений, которые составили основу) утилитаризма И. Бентама, а также ответ на вопрос: «действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом?».

Ключевые слова: утилитаризм, правовой утилитаризм, происхождение утилитаризма, полезность, принцип пользы, философия права, И. Бентам, консеквенциализм, общее благо

Информация о вкладе авторов: Колосов И.В. — написание разделов статьи «Принцип пользы в правовой мысли Древнего мира» и «Принцип пользы в правовых учениях Нового времени», концепция исследования, сбор и обработка материалов. Сигалов К.Е. — написание разделов статьи «Введение» и «Заключение».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования:

Колосов И.В., Сигалов К.Е. Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 438–471. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-438-471.

Дата поступления в редакцию: 22 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

Введение

Утилитаризм основывается на оценке действий (бездействия), поступков, явлений или иных событий исходя из того, насколько они являются полезными. Соответственно, с точки зрения утилитаризма, наиболее предпочтительными являются такие деяния, которые максимизируют полезность, а именно, с позиции классического утилитаризма, увеличивают счастье и уменьшают страдания.

Возникающие во взаимосвязи с совершением таких деяний общественные отношения могут быть урегулированы правом, в том числе с тем, чтобы достижение счастья одними лицами не происходило за счет страданий других. Учитывая, что социальное взаимодействие фактически проявляется посредством осуществления субъектами права определенных действий, в том числе юридически значимых, выявление мотивов поведения может быть значимым в рамках совершенствования юридической деятельности. При этом если события и деяния оцениваются с точки зрения полезности, то утилитаризм приходит к целесообразности проведения такой оценки и в отношении общеобязательных правил поведения, которыми руководствуются субъекты права, принимая те или иные решения, совершая поступки, то есть к оценке права как регулятора общественных отношений с тем, чтобы определить действительно ли конкретное правовое регулирование увеличивает счастье и уменьшает страдание и максимизируется ли при этом функция полезности. Таким образом, утилитаризм не ограничивается анализом непосредственно событий и деяний, а приходит к необходимости анализа правового регулирования. В истории правовых учений в России в основном превалирует позиция, что первым обратил внимание на необходимость оценки юридической деятельности, последствий такой деятельности, в том числе правовых норм, регулирующих общественные отношения, с точки зрения полезности и разработал соответствующую концепцию один из основателей (наряду с Дж. Ст. Миллем) утилитаризма — И. Бентам.

Так, английский историк права У. Холдсуорт (Holdsworth, 1940:568–586) связывает зарождение утилитаризма по большей мере с работами И. Бентама. Б. Эгглстон и Д.И. Миллер отмечают, что «утилитаризм заявил о себе в восемнадцатом веке» (Bentham, Eggleston, Miller, 2014:10). С. Вэлч (Welch, 1989:257–258) полагает, что хотя сама идея использования принципа полезности не является открытием И. Бентама, философия полезности, оказавшая влияние на развитие политики и права, заложена именно им. В российской юридической науке зарождение правового утилитаризма также связывается с идеями И. Бентама (Nersesyancz, 2004:646; Ostroukh, 2002:224–225, 227 и др.; Seydemetova, 2011:62).

В то же время до работ И. Бентама имелось большое количество правовых идей, которые также основываются на принципе полезности. В научной литературе все же встречается точка зрения о том, что утилитаризм появляется в более ранний период времени. Так, К. Соринел (2011:274), а также К. Матис, Д. Шеннон (2009:103) находят истоки утилитаризма в Античности, у Аристип-

па, Эпикура, Парменида, у британских моралистов, а также у отдельных философов-богословов, таких как Дж. Беркли, Дж. Гей. Г.Л. Лустила (2018:86–106) прямо утверждает, что первым утилитаристом был Дж. Гей. М.Д. Каро (2016:1–12) находит идеи, близкие к утилитаризму в работах Ч. Беккариа, а Р.С. Чарасия (2001:359) утверждает, что основателем утилитаристской школы является Ф. Хатчесон, поскольку он первым создал формулу наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Таким образом, возникает вопрос — действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом?

Безусловно, правовой утилитаризм достаточно подробным образом разработан И. Бентамом. Значимость его работ для развития правовой мысли сомнений не вызывает. В то же время возможно ли полагать, что он не был первым, кто разработал правовую доктрину, основываясь на принципе полезности? Вероятно, что ранний утилитаризм появляется уже в трудах Ф. Хатчесона и Ч. Беккариа, а также некоторых иных философов и теоретиков права Нового времени, а первые предпосылки утилитаризма и использования принципа пользы в правовых доктринах появились существенно раньше. Для того чтобы определить, было ли в достаточной степени до И. Бентама разработано учение о применении принципа пользы в рамках юридической деятельности с тем, чтобы утверждать, что И. Бентам не был первым правовым утилитаристом, необходимо провести обстоятельный анализ «добентамовских» правовых учений, основывающихся на принципе пользы.

Принцип пользы в правовой мысли Древнего мира

Использование принципа пользы, его признание как фактора, которым необходимо руководствоваться при принятии решений, в том числе в политике и юридической деятельности, имело место задолго до классического утилитаризма.

Известный древнеиндийский памятник правовой мысли «Артхашастра» общепринято с санскрита переводить как «наука политики». Однако буквальным переводом его названия является «наука о выгоде» или «руководство к достижению полезного» (Kosambi, 1977:141). Артхашастра дает рекомендации по осуществлению политики на основе светских начал. Руководствоваться необходимо не божьим промыслом, а практической пользой. На этом, в том числе, основывается юридическая сила правовых норм. Опираясь на принципы целесообразности и практической пользы, предпочтение отдается светским законам (дхарме, установленной царским указом) перед религиозными нормами. Более того, Каутилья, автор Артхашастры, дает прямое указание при управлении государством основываться на пользе, поскольку считает, что «главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе»⁵.

⁵ Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 7, Paragraph 4.

По тексту Артхашастры так или иначе прослеживается необходимость принимать решения, в том числе влекущие юридические последствия, исходя из принципа пользы. Так, в отношении личности мудрого царя отмечаются властные утилитарные функции его деятельности. При этом на основе принципа пользы делается следующий вывод: «Счастье царя в счастье подданных, в пользе подданных — его польза. Польза для царя — не то, что ему приятно, но что приятно подданным — в том польза царю»⁶. Для того, чтобы обеспечить счастье (пользу), царь должен не допускать нарушение закона, им изданного. Таким образом, согласно Артхашастре осуществление государственного управления должно строиться на строгом соблюдении законов, но эти законы, в свою очередь, должны исходить из необходимости увеличения общей полезности и счастья для народа.

Не только Артхашастра в Древней Индии основывается на принципе пользы. Последователи школ Брихаспати и Чарваки (Локаята) учили, что мудрость состоит в том, чтобы стремиться к удовольствиям, которые доступны, и по мере возможности избегать страдания. В «Мимамса-сутрах» (Sandal, 1999:1–4) блага определяются как то, что приносит счастье, а поэтому критерием ценности выступает то, что приводит к удовлетворению потребностей, то есть приносит полезность и (или) приводит к получению удовольствий. Н.А. Никама (1967:55–56) отмечает, что в отдельных направлениях индийских учений проявляется, что все вещи имеют ценность, поскольку они непосредственно соотносятся с сознательным удовлетворением.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что обращение к принципу полезности в истории правовых учений имело место уже в Древней Индии. Упомянутые индийские учения по своему содержанию близки к классическому утилитаризму, в частности, они основываются на необходимости достижения счастья, удовольствий или полезности. Так, исследователь индийской аксиологии Ш.Н. Гупта (1978:7) в «Индийском понятии ценности» отмечает, что под ценностью понимается в том числе полезность, и из этого исходят европейские субъективистские концепции, определяющие ценности через психологическое состояние индивидуума (в том числе утилитаризм), то есть концепции И. Бентама, Дж.Ст. Милля, Г. Сиджвика и Г. Спенсера.

Таким образом, в правовых учениях Древней Индии использовался принцип пользы в качестве критерия оценки юридически значимых действий. Вместе с тем Архашастра в качестве морального ориентира использует не только полезность, но также любовь и, что более важно в рамках правовых доктрин, сам закон⁷. Правовые нормы не всегда основываются на принципе полезности. Закон и принцип полезности скорее выступают в качестве относительно самостоятельных моральных ориентиров, хотя не исключается возможность закона

⁶ Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 19, Paragraph 13.

⁷ Kautilya Arthashastra, Book I, Chapter 7, Paragraph 3.

в определенных ситуациях основываться на пользе. Кроме того, правовая мысль Древней Индии не имеет целью обеспечение наибольшего счастья для наибольшего числа людей. С учетом этого не представляется возможным утверждать о появлении правового утилитаризма в Древней Индии. *Каутилья не был первым правовым утилитаристом*. Однако определенные начала использования принципа пользы, в том числе в правовой сфере, были заложены уже тогда.

Утилитаризм как индивидуалистическая и зачастую эгоистическая концепция, с первого взгляда, не очень соотносится с такими традиционными для китайской философии ценностями, как стремление к добродетели, гуманность (жэнь, 仁), концепцией благородного мужа, ставящего интересы общества выше своих, и другими. Вместе с тем Ю. Фэнг утверждает, что Мо-цзы был утилитаристом, противопоставляя при этом его учение «философии добродетели» — конфуцианству. Если «конфуцианцы старались быть праведными, не задумываясь о том, принесет ли это прибыль (результат); старались неукоснительно соблюдать принципы, вне зависимости от того, окупается ли это с материальной стороны, то в моистской школе особое внимание уделялось «прибыльности» и «достижениям» (Feng, 1952, I:84).

Ц. Ли, анализируя отношение к любви в моизме, также отмечает утилитарные основания философии Мо-цзы: «В учении Мо-цзы “любовь” имеет свои условия и в действительности основывается на материальной полезности. Она не зиждется на доброжелательности, а обуславливается доктриной взаимной выгоды. Действовать сообразно принципам выгоды (праведности) и прибыли является моральным правилом и критерием выбора для мелких крестьянских хозяйств» (Li, 1986:58–59).

Таким образом, Мо-цзы и его последователи считают, что праведность или мораль связаны с материальной выгодой. Данный взгляд на моральную философию Мо-цзы по-прежнему доминирует и популярен в научных исследованиях. В.А. Рубин прямо указывает, что «Мо-цзы исходил из того, что человек озабочен только тем, чтобы доставить себе удовольствие и избежать страдания» (Rubin, 1999:28–30), тем самым фактически приравнивая его к утилитаризму. Под влиянием Ю. Фэнга и Ц. Ли учение Мо-цзы было, как полагаем, ошибочно отнесено отдельными исследователями к утилитаризму.

Стремление к получению выгоды или полезности согласно идеям Мо-цзы скорее является не следствием удовлетворения желаний, а способом достижения общего блага путем осуществления благодетелей в отношении третьих лиц (без персональных предпочтений). Достижение полезного результата должно быть направлено на обеспечение блага всего общества. На этом необходимо основывать государственную политику и обеспечивающее ее реализацию правовое регулирование. Так, в целях увеличения блага всего общества государство в лице его уполномоченных органов, вынося общеобязательные веления, может воздействовать на каждого отдельного индивида наградами и нака-

заниями, пресекая тем самым общественно опасное и общественно вредное поведение и поощряя желательные для достижения указанной цели деяния. В отличие от доктрины И. Бената *монизм не утилитарен*, именно потому что он, как и остальные направления китайской философии, не является индивидуалистической концепцией. Он не гедонистичен. Важность результатов, полезных для государства, перевешивает важность индивидуальной полезности и поэтому его скорее можно отнести к государственному консеквенциализму, но не к правовому утилитаризму.

Утилитаризм И. Бената исходит из необходимости увеличения количества удовольствий и уменьшения количества страданий в целях максимизации полезности. В Древней Греции об удовольствии как высшем благе рассуждали досократики Демокрит и Евдокс Книдский. Первая гедонистическая школа была основана учеником Сократа Аристиппом Киренским, утверждавшим, что наслаждение является высшим благом и единственной целью в жизни человека. Указанные античные философы провозглашали ценности, аналогичные утилитаризму, в качестве основополагающих.

По Демокриту государство существует во имя общего блага и справедливости. Публичные интересы превалируют над частными, и деятельность граждан должна быть направлена на совершенствование общественного устройства. Целью закона является обеспечение благосостояния, но чтобы ее достигнуть, требуется подчинение закону. Законы собственно необходимы для граждан полиса с тем, чтобы обуздать присущие им эгоизм, зависть, раздоры, взаимное причинение вреда, которые, в свою очередь, происходят от того, что люди, по Демокриту, «желают достижения личного счастья и получения личной выгоды» (Vitz, 1979:145). Данные стремления, направленные во вред общественным интересам, вызваны человеческой природой, которая исходит из мотива к улучшению собственного положения, не всегда при этом учитывая интересы третьих лиц.

С целью нивелирования негативных последствий подчинения человеческой природе «закон хочет хорошо устроить жизнь людей [...] закон обнаруживает свое благотворное действие лишь тем, кто ему повинуется» (Malakhov (ed.), 2003:84). Таким образом, для достижения общего блага необходимо повиноваться закону. По Демокриту отдельные индивидуумы, если их действия направлены на получение удовольствий для себя, во вред обществу, во вред достижения общего блага и (или) если они своими действиями вызывают страдания других людей, должны быть наказаны по закону: «как написаны законы против враждебных [человеку] животных и гадов, так, думается мне, должно поступать и с людьми. [...] Законы не мешали бы каждому жить, как ему угодно, если бы один не вредил другому» (Malakhov (ed.), 2003:84–85).

В целом взгляды Демокрита на преступление и наказание опираются на его представления о законе как принудительном средстве, направленном против

тех, кто в силу своих нравственных и умственных пороков добровольно не побуждается к добродетели «внутренним влечением и словесным убеждением».

К аналогичному выводу приходит классический утилитаризм. Наказание за совершение правонарушения приводит к страданию правонарушителя, а потому уменьшает его полезность, но является необходимым, чтобы предотвратить еще большие страдания (вследствие пресечения совершения правонарушений в дальнейшем). С учетом воззрений Демокрита данный утилитаристский вывод не является новым. Правовые взгляды Демокрита с точки зрения публичной оценки последствий совершения юридически значимых действий схожи с классическим утилитаризмом. Является близким к идеям И. Бентама обращение в философии права Демокрита к стремлению к счастью и благосостоянию в качестве мотивов поведения людей. Вместе с тем Демокрит не провозглашал философию полезности как ориентир государственного управления (необходимость достижения общего блага, по нашему мнению, не означает, что целью любого закона должно быть обеспечение наибольшего счастья для наибольшего числа людей). Кроме того, подчеркивает, что учение Демокрита не было столь утилитарным, то, что он отмечал необходимость придерживаться чувства меры (а не максимизировать удовольствия как в утилитаризме): «прекрасная во всем середина: мне не нравится ни изобилие, ни недостаток [...] благое состояние духа возникает благодаря умеренности в наслаждениях» (Ivanova, 2009:12). Таким образом, полагаем, что *Демокрит не был первым правовым утилитаристом.*

Идеи этического утилитаризма возможно найти в диалогах Сократа. На это указывается различными исследователями, в частности Р. Хоганом (Hogan, 1978:118–131) и У. Гатри (Guthrie, 1971:143–144). В противовес этому И.Ю. Козлихин и Е.В. Тимошина (Kozlikhin, Timoshina 2016:9–16) придерживаются точки зрения о том, что, возможно, Ксенофонтом был преувеличен утилитаризм Сократа.

Согласно воспоминаниям Ксенофонта необходимость самосознания, оценки своих способностей и возможностей Сократ связывает с полезностью: «кто знает себя, тот знает, что для него полезно [...]. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо» (Bruell, (ed.), 1994:120). Применение принципа полезности встречается и в правовых идеях Сократа. Так, в «Государстве» Платона излагается утилитаристский ответ Сократа на вопрос о том, что такое справедливость: «справедливость есть нечто пригодное» (Plato, 1991:16). Принимая во внимание, что в платоновском «Меноне» Сократ ставит знак равенства между полезным и благим, отмечаем, что государственное управление по Сократу должно осуществляться с учетом целеполагания на достижение добродетели для всего народа «хорошими людьми».

На этом также основывается необходимость по Сократу следования закону полиса и обоснование неравноправия полиса и гражданина. Так, если правят знающие, то такое правление исходит из необходимости достижения добродетели, общего блага. Согласно мнению В.С. Нерсесянца (1996:82), управление

делами полиса на основе знания оказывается по оценке Сократа единственным надежным путем к всеобщему благу. Правовые концепции классического и современного утилитаризма аналогичным образом исходят из необходимости при осуществлении государственного управления достижения общего блага или максимизации совокупной общественной полезности, при этом особую роль, по сути, так же как и в учении Сократа, играют знания или минимизация асимметрии и иной неполноты информации при принятии решений.

Отмечая некоторые черты этического утилитаризма в правовом учении Сократа нельзя не согласиться с И.Ю. Козлихиным и Е.В. Тимошиной в части того, что скорее данные черты обусловлены интерпретацией Ксенофонта, нежели чем действительным утилитаризмом Сократа. Если бы Сократ придерживался позиции этического утилитаризма, приписываемой ему Ксенофонтом, то ему бы следовало приспособиться к определенным обстоятельствам. По меньшей мере, он избежал бы возбуждения против себя судебного процесса, не говоря уже о том, что если бы такой процесс и был бы возбужден, то он уберег бы себя от «несчастья» — от вынесения ему смертного приговора.

Сократ в своей деятельности менее всего исходил из соображений собственной выгоды и пользы, не считался ни с какими обстоятельствами и, веря в правоту своего дела, сознательно обрекал себя на «несчастье», не шел на компромисс со своей совестью и убеждениями во время судебного процесса и не пытался использовать возможность бегства из тюрьмы после вынесения приговора. *Таким образом, Сократ не был утилитаристом.*

Аристотель и Платон стоят у истоков многих общественных наук. Государственно-правовые взгляды Аристотеля изложены в основном в его трактате «Политика» (1893:145–146), где автор отмечает, что для приобретения счастья необходимо следовать добродетелям. Достижению этой же цели способствует государство. Так, согласно Аристотелю государство есть «масса [...] граждан [...] которая довлеет себе для удовлетворения всем потребностям своей жизни» (Aristotel, 1893:97). Философ признает, что к таким потребностям в том числе относятся материальные потребности, а также необходимость защиты людей от взаимной несправедливости, но в то же время основной мотив «состоит не просто в том, чтобы жить, а гораздо более в том, чтобы жить счастливо», а потому «цель государства есть счастье жизни» (Aristotel, 1893:97).

Платон также отмечает, что причиной появления государства является необходимость в удовлетворении потребностей людей. Эта идея ложится в основу определения государства: «испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» (Plato, 1991:46). Согласно Платону, государственно-правовые процессы связаны с необходимостью достижения полезного. При этом право должно быть направлено на то, чтобы, по возможности, удовлетворить потребности народа. Таким образом, обосновывается приоритет общего блага над частным (Plato, 1991:198).

В дальнейшем И. Бентам в своей моральной арифметике выведет формулу о необходимости достижения наибольшего счастья для наивозможно большего числа людей (а до И. Бентама еще и Ф. Хатчесон) вслед за Платоном фактически определив приоритет счастья большинства над счастьем отдельных индивидуумов, заложив начало неразрешимой однозначным образом проблемы этики и философии, а на отдельных этапах развития и права о том допустимо ли пожертвовать счастьем или полезностью одного индивидуума ради существенного увеличения полезности другого или большинства? Допустимо ли изъятие собственности у материального обеспеченного лица и ее перераспределение в интересах наименее обеспеченных (с учетом закона убывающей предельной полезности)? Допустимо ли совершение преступлений или иных правонарушений в условиях необходимости или «под действием страсти», если лицо, совершающее запрещенное законом деяние, обеспечит равноценную (или большую) компенсацию страданий пострадавших? Перечисленные действия согласно утилитаризму должны привести к увеличению совокупного счастья, но не всегда такие действия или иные события соответствуют общеправовым принципам равенства и справедливости. Безусловно, именно моральная арифметика И. Бентама и последующие идеи утилитаристов по этой причине критиковались исследователями, особенно в части агрегирования полезности различных индивидуумов с последующим обоснованием необходимости принятия решений, перераспределяющих полезность, но начала этих идей были заложены уже Платоном.

Проведенный анализ правовой мысли Древнего мира приводит к выводу о том, что отдельные идеи об использовании принципа полезности в рамках юридической деятельности хоть и близки к классическому правовому утилитаризму, но не были разработаны в достаточной степени, позволяющей утверждать о появлении правового утилитаризма уже тогда. В то же время совокупность идей различных философов права делает возможным вывод о том, что многие вопросы, злободневные для утилитаризма, были рассмотрены. На наш взгляд, правовой утилитаризм в Древнем мире не появился ввиду отсутствия систематизированной правовой мысли, вобравшей в себя идеи предшественников и создавшей на их основе единую и непротиворечивую теорию. В то же время, в частности, И.В. Михайловский в *Очерках философии права* пишет: «рассматриваемое направление этики [утилитаризм — прим. автора] очень старо: оно существовало еще в греческой философии, и даже есть мнения, что Аристотель был утилитаристом» (Mikhailovskii, 1914, I:90). Вместе с тем, признавая некоторую схожесть направлений, И.В. Михайловский отмечает, ссылаясь на слова самого Аристотеля из *Политики*, что последний не был сторонником того, чтобы во всех ситуациях исходить лишь только из принципа пользы.

«Античная цивилизация, ее материальная и духовная культура, античный способ производства, сама античная ментальность всегда оказывали гигантское воздействие на генезис европейской культуры в целом, на ее станов-

ление, формирование и развитие» (Sigalov, 2018:45). Представляется, что такое гигантское воздействие имело место и в части использования принципа пользы применительно к государственно-правовым явлениям. Некоторые из рассмотренных учений, как было обосновано, действительно и близки по своему содержанию к классическому правовому утилитаризму и оказали на него значительное воздействие. Но в основном идеи мыслителей Древнего мира в части использования принципа пользы применительно к государственно-правовым явлениям не были систематизированы, носили разрозненный характер и распространялись только на ограниченную сферу общественной жизни. *Таким образом, по этим причинам не представляется возможным утверждать о зарождении правового утилитаризма в Древнем мире.*

Принцип пользы в правовых учениях Нового времени

В Новое время идея о необходимости достижения счастья, общественного блага и, соответственно, пользы граждан появляется у философов-просветителей еще до классического правового утилитаризма. Так, Б. Спиноза отмечает, что «каждый человек стремится к своей пользе, выгоде» (Spinoza, 1891, I:74). Утилитарные воззрения Б. Спинозы во многом связаны с его идеями, изложенными в Трактате об усовершенствовании разума и о пути, которым лучше всего направляться к истинному познанию вещей, в начале которого он проводит анализ ценности различных благ. Б. Спиноза отмечает, что получение определенных благ связано с вероятностными исходами, при этом человеку свойственно стремиться к богатству и славе: «чем больше мы их имеем [богатства и славы — прим. автора], тем больше возрастает радость (удовольствие)» (Spinoza, 1895:3). Для Б. Спинозы богатство и слава связаны с увеличением субъективной полезности. Прирост богатства и славы приводит к увеличению полезности примерно так же, как в маржинализме (несколько столетий спустя). Б. Спиноза явно исходит из того, что полезность индивидуума возрастает, если другие делятся с ним истинными благами.

Учитывая, что утилитаризм Б. Спинозы восходит к необходимости получения только «истинных благ», а не к максимизации удовольствия (любого удовольствия), действия индивидуумов, согласно этике Б. Спинозы, измеряются по одному фундаментальному принципу: соответствуют ли они критерию достижения «совершенства». В таком случае конкретный поступок является морально положительным, когда он основан на положительных мотивах и когда он одновременно приводит к последствиям, которые соответствуют критерию «совершенства» и не приводит к страданиям. Полагаем, что эта «спинозианская» концепция имеет сходство с утилитарным принципом максимизации полезности.

Если действия отдельных индивидуумов направлены на достижение «совершенства» и не приводят к страданиям, то такая деятельность является общественно желательной или, по крайней мере, не является общественно не-

желательной или общественно опасной. Данное поведение должно поощряться в рамках нормативно-правового регулирования или, по крайней мере, не должно приводить к привлечению к юридической ответственности. Таков критерий осуществления правовой политики по Б. Спинозе.

Принимая во внимание оценку действий, исходя из их последствий, полагаем возможным считать, что указанные правовые идеи Б. Спинозы являются консеквенциальными. Но являются ли они утилитарными, принимая во внимание, что утилитаризм — это разновидность консеквенциализма? В. Глухман (Gluchman, 1995:53) проводит различие между утилитарным и неутилитарным консеквенциализмом, которое заключается в следующем.

Неутилитарный консеквенциализм, в отличие от утилитарного:

1) оценивает не только последствия того или иного действия, но также и мотивы, намерения и другие обстоятельства, которые не выражены в виде результата действия;

2) имеет более широкую структуру ценностей, которая не сводится только к утилитарным ценностям;

3) не исходит из того, что действие морально оправданно только лишь потому, что оно приводит к наилучшим возможным последствиям (принцип максимизации) и, соответственно, может быть морально оправданным, даже если только в рамках данного действия лишь преобладают положительные последствия.

Принимая это во внимание, отмечаем, что есть много положений в моральной философии Б. Спинозы, связывающих его с утилитаризмом, например, его методическое использование эвдемонистического, гедонистического или утилитарного подходов в решении этических вопросов (Gluchman, 1996:72). Тем не менее, для Б. Спинозы полезность действия всегда связана с необходимостью продолжения существования и самосовершенствования, то есть с его конатусом (Zuolo, 2016:23–40). Таким образом, концепция полезности Б. Спинозы была скорее метафизическим или эпистемологическим утилитаризмом, чем его этической формой.

Во многих ситуациях у индивидуумов имеется возможность поступить определенным образом, чтобы максимизировать полезность своих действий, используя методы, противоречащие рациональной сущности, и из работ Б. Спинозы не следует поощрение таких действий. Теория Б. Спинозы ориентирована на совершенство, но не ставит совершенство индивида выше совершенства мира. Действие человека не только увеличивает или уменьшает его собственное совершенство, но также и социальное или естественное совершенство, и эти совершенства для Б. Спинозы более важны, чем индивидуальные.

Соответственно, полагаем, что именно по этой причине правовые идеи Б. Спинозы исходят из того, что законы должны ограничивать действия индивидуумов с тем, чтобы такие действия в собственных интересах не приносили вреда обществу, совокупному общественному благосостоянию. Особенно важен

институт юридической ответственности, так же как и обеспечение неукоснительного исполнения законов, но лишь только данное политико-правовое следствие моральной философии *Б. Спинозы*, в контрасте с его идеями о том, что *не любой ценой необходимо максимизировать полезность, не позволяет, на наш взгляд, сделать вывод об отнесении его учения к правовому утилитаризму.*

У *Ф. Хатчесона*, так же как и у *Б. Спинозы*, в определенных выводах усматриваются начала утилитаризма. Так, именно им, а не, как иногда считают, *И. Бентамом* была впервые сформулирована основополагающая формула утилитаризма: «то действие является наилучшим, которое приносит наибольшее счастье для наибольшего числа людей; а самым худшим, которое аналогичным образом приносит страдания» (Hutcheson, 2008:125). Работы *Ч. Беккариа* также содержат идеи о необходимости руководствоваться принципом пользы. Так, он отмечал, что «право суверена карать за преступления основывается на необходимости защищать хранилище общего блага от посягательств отдельных лиц» (Beccaria, 2004:90). При этом из работы *Ч. Беккариа* «О преступлениях и наказаниях» следует, что необходимость придерживаться принципов общей пользы и общего блага должна приводить к осуществлению действий исключительно в рамках закона и не оправдывать нарушение закона, даже если предполагается, что нарушение закона приведет к достижению общей пользы.

У *Ч. Беккариа* и у *Б. Спинозы* в отличие от *И. Бентама* соображения «общей пользы», какими бы важными они ни были, никогда не должны приводить к нарушению законов, к оправданию несправедливости, что не позволяет отнести их учения к утилитаризму в чистом виде. *Ф. Хатчесон* обращается к публичному интересу. Утилитарная предпосылка его правового учения исходит из анализа действий, являющихся положительными применительно не к конкретному индивидууму, а к большинству, что делает возможным отнесение его учения, основываясь на предпосылках *В. Глукмана*, скорее к неутилитарному консеквенциализму, чем к утилитаризму. Таким образом, *утилитаристская направленность имеется в работах Б. Спинозы, Ф. Хатчесона и Ч. Беккариа, но она не является главенствующей, как у И. Бентама.* Вместе с тем нельзя не признать, что указанные мыслители заложили некоторые основы для появления правового утилитаризма *И. Бентама.*

Отдельные идеи, схожие с утилитаризмом, встречаются в работах философов-богословов, в частности у *Р. Камберленда* и *Дж. Гея*. Утилитаризм *Дж. Гея* можно выразить тремя основными тезисами, им сформулированными (Selby-Bigge, 1897, II:849–887):

- 1) счастье, личное счастье являются конечной целью всех действий людей;
- 2) непосредственным критерием добродетели является «воля Бога». При этом счастье человечества является критерием воли Бога. Таким образом, счастье человечества можно назвать критерием добродетели;

3) обязанность — это необходимость совершать или воздерживаться от совершения каких-либо действий, чтобы быть счастливым.

Дж. Гей фактически создает учение, в основу которого было положено стремление человека к счастью, заложив основу, актуальную и применительно к идеям У. Пэйли и И. Бентама. В Отрывке о правительстве И. Бентам формирует фундаментальную для его утилитаризма аксиому о том, что мерой правильности осуществления государственного управления является наибольшее счастье наивозможно большего числа людей, развивая тезисы, сформулированные не только Ф. Хатчесоном, но еще и Дж. Геем.

Р. Камберленд и Дж. Гей считали, что достижение человеческого счастья осуществляется при помощи действий самих людей по благословению Бога. К таким действиям относятся, в частности, обязательства, возникающие перед другими людьми, вытекающие из закона, написанного людьми, или договора, заключенного между людьми. Так, философы-богословы в отношении закона писали: «при рассмотрении всех существующих видов обязательств [...] универсальным из таких обязательств, является то, которое распространяется на все случаи, применимо во всех ситуациях. Такое обязательство может возникнуть только по воли Бога» (Cumberland, 1978:412). Данное толкование возникновения обязательств было объединено с анализом мотивации поведения человека, его эгоистических начал, то есть с потребностью человека в достижении собственного благополучия. Достигнет ли человек счастья, будет ли он совершать праведные поступки, зависит от того, насколько его действия будут соответствовать воле Бога. Иными словами, полезными для человека будут те поступки, которые одобряются Богом и к которым, в частности, относятся соблюдение закона и совершение разрешенных гражданско-правовых сделок как влекущих возникновение обязательств. Однако, на наш взгляд, такой утилитаризм в качестве правовой концепции имеет существенный недостаток, заключающийся в том, что в нем не определена «нормативная роль» Бога, по крайней мере с точки зрения нормативной этики. Бог как «источник нормативности» совместим с утилитаризмом, но утилитаризм как правовая концепция может быть самодостаточен и без включения Бога в концепцию, что позволяет сделать вывод о том, что данные философы-богословы не были первыми правовыми утилитаристами.

Просветительские идеи Нового времени, приведшие к формированию идеи естественных прав и общественного договора, схожи с утилитаризмом в философии счастья как результата достижения удовольствия и избегания страданий. Дж. Локк утверждает, что «счастье в своем полном объеме есть наивысшее удовольствие, к которому мы способны, а несчастье — наивысшее страдание» (Locke, 1824, I:245). Поскольку люди в силу естественных прав равны от природы, то государственное правление должно строиться из того, чтобы предоставить возможность достижения счастья путем получения наивысшего удовольствия и избегания страданий всеми людьми на равных началах. Для

этих целей право должно обеспечить свободу. Так, Дж. Локк отмечает, что «необходимость добиваться истинного счастья есть основа всякой свободы. [...] Чем крепче мы привязаны к неизменным поискам счастья вообще, [...] тем свободнее мы от необходимости определить свою волю к какому-нибудь отдельному действию и от необходимости уступать своему желанию, направленному на какое-нибудь отдельное благо, которое кажется предпочтительным в данный момент, пока мы должным образом не рассмотрели, содействует ли оно или противоречит нашему истинному счастью» (Locke, 1824, I:252–253). Таким образом, человек сам должен иметь возможность достигнуть счастья, право же должно не препятствовать и поддерживать стремление к счастью. Дж. Локк еще до И. Бентама провозгласил формулу о необходимости максимизировать удовольствие и минимизировать страдания, но в отличие от правового утилитаризма он считал невозможным допустить страдания одного человека, чтобы принести большее удовольствие и, соответственно, счастье другому (другим; иными словами, в общественных интересах). Он не ставил счастье, удовольствие, полезность выше равенства и свободы. *Равенство и свобода первичны, что не позволяет причислить правовое учение Дж. Локка к правовому утилитаризму.*

Утилитаристские идеи до И. Бентама в сфере права во многом противостояли этической философии Т. Гоббса. Рационалисты, такие как Кембриджские неоплатоники и Р. Прайс, по сути, апеллировали к объективному благу или праву. Сентименталисты, такие как Ф. Хатчесон, отвергли эгоистичную теорию Т. Гоббса и отстаивали необходимость придерживаться добродетелей, а также моральную составляющую деятельности. Другие философы, апеллирующие к принципу полезности, выступили против Т. Гоббса, отрицая его идеи о состоянии войны всех против всех. По сути, до И. Бентама складывается «ранний утилитаризм», который исходит из необходимости достижения счастья и уменьшения количества страданий. Корреспондирующим достижению данных целей должно быть и правовое регулирование. При этом ранние утилитаристы исходили из необходимости соблюдения баланса между интересами каждого человека по достижению своего собственного персонального счастья и общим благом. Некоторые идеи ранних утилитаристов были повторены в рамках классического правового утилитаризма.

Хотя гедонистические и эвдемонические идеи неоднократно высказывались в истории правовой мысли в Древней Индии, в Античности и в Новое время, свое первое систематическое оформление именно как моральная система, на основе которой должно строиться нормативно-правовое регулирование, правовой утилитаризм получил в трудах И. Бентама. Правовая мысль И. Бентама, в отличие от его предшественников, полностью основывается на принципе полезности (до него принцип полезности, как правило, играл вспомогательную роль в правовых учениях), который он также называет принципом счастья и благоденствия, так как это лучше всего показывает связь принципа со страда-

нием и удовольствием, являющимися истинными «верховными властителями» человечества.

Таким образом, учение И. Бентама о праве продолжает идеи, с одной стороны, философов Античности, которые концентрируются на понятии удовольствия и его роли для человека (Аристипп, Демокрит, Эпикур и другие), и, с другой стороны, философов Нового времени, которые исходят из необходимости достижения счастья, что должно обеспечиваться в том числе осуществлением определенного нормативно-правового регулирования (Ф. Хатчeson, Ч. Беккариа, Дж. Гей и другие). Правовой утилитаризм И. Бентама вобрал в себя оба этих направления правовой мысли и, благодаря синтезу их идей, всесторонне обосновал необходимость осуществления юридической деятельности на основе принципа полезности.

Подтверждает статус И. Бентама как основателя правового утилитаризма универсальность использования им принципа полезности, что не наблюдалось у его предшественников. Рассмотрев природу полезности и ее роль в мотивации деятельности человека, философ исходит из необходимости осуществления правового регулирования в отраслях права на основе принципа полезности.

И. Бентам полагал, что «искусство законодательства» состоит только из двух отраслей — гражданского права и уголовного права. В отрасли гражданского права И. Бентам в продолжение экономического принципа невмешательства «laissez-faire» обосновывает необходимость свободы договора и невмешательства государства в гражданско-правовые отношения граждан, если только обязательства, вытекающие из соответствующих сделок, исполняются надлежащим образом. Идеи мыслителя корреспондируются с таким принципом, как равная правоспособность всех участников гражданского оборота, принципом «*crata sunt servanda*» и другими.

В отрасли уголовного права И. Бентам, основываясь на необходимости минимизации страданий, исходит из целесообразности соблюдения принципа соразмерности наказания совершенному преступлению. Преступлением, по его мнению, должны считаться только те деяния, которые причиняют реальный вред обществу. Дефиниция понятия наказания у И. Бентама выводится из принципа полезности. Наказание в качестве меры уголовной ответственности является необходимым, но «нежелательным злом», поскольку оно налагает «страдания» как средство устранения еще больших «страданий» и, таким образом, способствует максимизации полезности. Польза для общества — главное основание существования наказания и главное его оправдание. С учетом этого наказание должно быть неизбежным последствием преступления, даже несмотря на то, что оно приносит страдания преступнику.

И. Бентам считает, что какими бы способами люди ни пытались избежать власти удовольствий и страданий над ними, тем самым они еще больше ее укрепляют. В идеях И. Бентама впервые в истории правовой мысли дихотомия удовольствия и страдания, как основных поводов чело-веческого поведения,

становится абсолютной. Сам принцип полезности зиждется на этом, поскольку он одобряет или отвергает действие в зависимости от счастья и страданий, возникающих в результате такого действия. При этом И. Бентам уже в самом определении принципа полезности подчеркивает, что данный принцип применим к любым действиям, в том числе к любой мере правительства, а значит и к праву.

Поскольку ключевым вопросом является вопрос о принуждении к следованию каким-либо нормам, а принуждение работает только посредством удовольствия или страдания, И. Бентам находит нужным выделить их источники: физический, политический, нравственный и религиозный, которые философ называет санкциями. Именно они дают силу определенным законам и правилам, то есть являются источниками права, а страдания, следующие за несоблюдением этих законов, выливаются в форму юридической ответственности. С учетом изложенного полагаем, что *И. Бентам был первым правовым утилитаристом*.

Заключение

До появления работ И. Бентама в истории правовой мысли многие философы и исследователи в тех или иных аспектах своих работ исходили из принципа полезности. На наш взгляд, работы классических утилитаристов не создали в целом новой концепции. Сама идея использовать принцип пользы как *основополагающий* при определении ориентиров развития государства и права, политики и общества появилась еще в Древнем мире — в Древней Индии и в Античности.

В то же время именно И. Бентамом впервые была создана детально прописанная моральная система, на основе которой должно строиться нормативно-правовое регулирование. Теоретическая разработанность И. Бентамом вопросов использования принципа пользы в праве оказала существенное влияние на юриспруденцию, как теоретическую, так и практическую. В теоретической части он, как обосновывалось выше, заложил *основы нового правового учения — права утилитаризма*. В практической части влияние «Ньютонова законодательства» (Hoesch, 2018:315) на нормативно-правовое регулирование в различных отраслях права, в особенности в уголовном праве, в том числе современном, сложно переоценить. Продолжилась тенденция утилитарного детерминирования развития права и юридической науки на протяжении XIX века, а также, по крайней мере, первой половины XX века (Hart, Sacks, 1958:113–114). Теория уголовного права к тому времени стала явно утилитарной, хотя определенные предпосылки этого проявлялись и ранее. В Соединенных Штатах Америки произошел отказ от концепции «абсолютных» прав в пользу «балансировки судебного дела», которая имела фактически утилитарные предпосылки⁸. Утилитаризм оказал существенное влияние и на гражданское, в частности деликтное

⁸ См. напр.: *United States v. Dennis*, 183 F. 2d 201, 212 (2d Cir. 1950), 341 U.S. 494 (1951).

и договорное право. Дж.Б. Эймс (Ames, 1908:97, 110) отмечает существенное влияние утилитаризма на право в целом: «право утилитарно. Оно существует для реализации разумных потребностей сообщества».

Учитывая это, можем констатировать, что теоретическая основа и предпосылки зарождения правового утилитаризма появились задолго до И. Бентама. Вместе с тем фактически правовой утилитаризм появляется только в Новое время, а первым, кому удалось в целом систематизировать идеи, связанные с использованием принципа пользы в рамках осуществления государственного управления и правового регулирования, был И. Бентам. Таким образом, несмотря на наличие отдельных правовых идей, базирующихся на принципе полезности, полагаем, что именно И. Бентам первым разработал основополагающую правовую концепцию утилитаризма.

Об авторах:

Колосов Игорь Владимирович — соискатель кафедры истории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0001-9407-8340; SPIN-code: 9151-1394

e-mail: i.v.kolosov@yandex.ru

Сигалов Константин Елизарович — доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры истории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов

ORCID ID: 0000-0002-6864-8570; SPIN-code: 5671-1780

e-mail: sigalovconst@mail.ru